

ОКТЯБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В ГОРОДАХ – АДМИНИСТРАТИВНЫХ ЦЕНТРАХ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ: КОММЕМОРАТИВНЫЙ АСПЕКТ (1920–1945 гг.)

Статья подготовлена в рамках реализации проекта РГНФ «Октябрьские торжества в Сибири: коммеморативный аспект (1920–1945 гг.)» (№ 16-11-54002).

Дана характеристика Октябрьских торжеств, которые устраивались в Иркутске и Красноярске в период с 1920 по 1945 г. Основное внимание уделяется коммеморативной составляющей празднеств. Определяются место и роль коммемораций в праздничных сценариях, описаны их типичные примеры. Объясняется мобилизационное значение коммеморативных элементов торжеств. Установлены тенденции восприятия праздника жителями городов Восточной Сибири.

Ключевые слова: Октябрьские торжества; политический праздник; коммеморация; Сибирь.

2017 г. ознаменован 100-летием Октябрьской революции в России. Эта памятная дата заметно актуализирует общественные и научные дискуссии о ее значении. Наряду с возросшим интересом к фактам и событиям революционной истории исследователей привлекают проблемы коллективной памяти российского общества о Великом Октябре. Разработка данной проблематики проходит на фоне так называемого мемориального поворота, которым в настоящее время охвачены гуманитарные науки. Этот поворот предполагает обращение к новым исследовательским проблемам, связанным с осмыслением специфики исторической памяти различных сообществ, факторов ее формирования и динамики, форм и способов ее выражения, влияния памяти на социальное, политическое поведение людей, на их творчество и духовность. В этой связи становится актуальным изучение вопросов коллективной памяти советского общества об Октябрьской революции, специфике ее восприятия разными поколениями, зависимости этого восприятия от государственной политики памяти, а также проблем, связанных с политическими праздниками как важными каналами ее трансляции. С начала 1920-х гг. Октябрьские торжества, отражавшие, прежде всего, официальный государственный революционный нарратив, являлись главным политическим праздником для всей страны и были нацелены на воспитание в гражданах особенного ценностного восприятия прошлого.

Изучение форм празднования годовщин Октябрьской революции важно также для понимания сущности и критичного осмысления российской официальной праздничной культуры, которая базируется на продолжительно существующей традиции, сложившейся еще в имперский период и адаптированной к новым политическим условиям в советское время. Если ранее проблемы праздничной культуры привлекали внимание лишь этнографов, антропологов и культурологов, то сегодня эта тема все чаще становится объектом исследования политологов и историков, занимающихся социально-политической проблематикой. Государственные праздники как имперского периода отечественной истории, так и советского анализируются на предмет их идеологического значения и роли в формировании политической культуры общества, а также тенденций развития коллективной

памяти разных поколений россиян о национальном прошлом. Указанное направление научных исследований в настоящее время представлено рядом обобщающих научных трудов, принадлежащих как отечественным (Г.А. Бордюгов [1], С.Ю. Малышева [2], С.Н. Шаповалов [3]), так и зарубежным (К. Корни [4], К. Петроне [5], М. Ральф [6]) авторам. Однако на сибирских материалах разработка вопросов исторической эртологии советского периода лишь начинается. Ранее нами был представлен анализ коммеморативной составляющей Октябрьских торжеств в городах Западной Сибири 1920–1930-х гг. [7. С. 307–345]. Данное исследование расширяет представления о специфике Октябрьских коммемораций в обширном Сибирском регионе.

Цель настоящей статьи – охарактеризовать коммеморативные особенности Октябрьских торжеств, устраивавшихся в Красноярске и Иркутске в период с 1920 по 1945 г. В задачи исследования входит: установить условия и факторы динамики октябрьских коммемораций, определить и описать коммеморативные элементы в структуре массовых праздничных мероприятий, объяснить их происхождение и идеологическое значение, установить тенденции восприятия праздника и Октябрьских коммемораций населением.

Базовой методологической опорой данного исследования служат работы, подготовленные в рамках направления, известного в зарубежной литературе как *memory studies*, в фокусе внимания которого находятся проблемы коллективной памяти, воплощающейся в коммеморациях – сознательных социальных актах передачи нравственно, эстетически, мировоззренчески или технологически значимой информации (или актуализации ее) путем увековечения определенных лиц и событий, т.е. введения образов прошлого в пласт современной культуры. Октябрьские торжества мы рассматриваем как коммеморативные практики, предполагающие целенаправленную, часто стереотипную и ритуализованную деятельность, необходимую для сохранения и трансляции коллективной памяти. Степень государственного контроля над коммеморативной сферой культуры проявляется в политике памяти, т.е. в способах и самих процессах идеологизации прошлого, создания с помощью памяти о нем необходимых власти социальных представлений и национальных символов.

Из всего многообразия подходов «memory studies» мы избрали в качестве опоры своего исследования динамически-коммуникативный подход (М. Шадсон) [8. С. 32], исходящий из того, что память конструируется не только «сверху», правящими элитами, но и «снизу», самим обществом, выдающим разнообразные реакции на политику памяти. Был учтен также процессореляционный подход Дж. Олика [9], предполагающий понимание коммеморации как сложного процесса, зависящего от средств передачи памяти, нарративных и дискурсивных контекстов.

Источниками данного исследования послужили документы нормативного, распорядительного и делопроизводственного характера, хранящиеся главным образом в архивах Красноярская и Иркутска. Эти документы отражают как подготовку и проведение Октябрьских торжеств партийными и советскими организациями, так и реакции населения на праздники. Также были использованы ежедневные газеты данных восточно-сибирских городов, ежегодно уделявшие пристальное внимание празднованиям революционных годовщин.

Важнейшим фактором динамики Октябрьских торжеств являлась советская политика памяти. В СССР она не была институализирована и оформлена в систематическом виде, а «растворялась» в советской идеологии и пропаганде. Но, при всей ее неочевидности, не вызывает сомнений, что в советских условиях государство обладало монополией на то, что сегодня принято называть политикой памяти. В изучаемый период акторами политики памяти выступали, прежде всего, Коммунистическая партия и вожди. В первой половине 1920-х гг. значительную роль в процессе концептуализации памяти об Октябре сыграл академик М.Н. Покровский – организатор и лидер советской исторической науки, заместитель наркома просвещения РСФСР, взгляды которого были осуждены после его смерти в 1932 г. С годами все большую роль в разработке праздничной концепции играл И.В. Сталин. Особенно это касается периода Великой Отечественной войны.

За организацию Октябрьских торжеств в городах Восточной Сибири отвечали местные партийные структуры (Сибббюро ЦК РКП(б), Сибкрайком ВКП(б), Запсибкрайком ВКП(б) и Востсибкрайком ВКП(б), губкомы, обкомы, горкомы, райкомы) и советские органы управления (Сибревком, горсоветы), которые были вынуждены строго подчиняться руководству партии и правительства. Представители местных бюро комиссии по истории Октябрьской революции и РКП (Истпарта), музейщики, журналисты, историки, учителя, артисты, актеры театра и кино также участвовали в реализации государственной политики памяти. Она выражалась далеко не только в организации массовых мероприятий, но и в строгом контроле над СМИ и издательствами, над деятельностью музеев, архивов и библиотек, над репертуарами театров, кинотеатров, концертных залов и т.д. Большое внимание уделялось визуальной и монументальной пропаганде.

Ежегодно к каждой памятной дате Центральная Октябрьская комиссия при президиуме ЦИК СССР формулировала новые «ударные точки пропаганды», ставившиеся 7 ноября основой лозунговой базы.

По всей стране Октябрьские торжества проходили однотипно. Их динамика была обусловлена изменениями в идеологии и государственной политике памяти, которая зависела от внешних и внутренних политических обстоятельств, а также от проблем социально-экономического развития страны. Однако нельзя не учитывать, что на местах существовали особые условия, задававшие специфику как самим празднованиям, так и их рецепции.

В 1920 г., когда в городах Восточной Сибири прекратились боевые действия, но Гражданская война в стране еще полыхала, большевики использовали праздник для того, чтобы убедить население в целесообразности продразвёрстки, других экономических мероприятий и политических решений. Торжества были нацелены на повышение градуса доверия большевикам со стороны общества, на дискредитацию врагов, в Сибири, прежде всего колчаковцев, которым неизменно предъявлялись страшные счета – многочисленные человеческие жертвы из числа замученных и расстрелянных революционеров, красноармейцев и подпольщиков, а также хозяйственная разруха, ответственность за которую, большевики всецело возлагали на противников, проигравших в войне. В начале 1920-х гг. Октябрьская революция, «колчаковщина» и «семеновщина», как наиболее актуальные сюжеты из памяти жителей Восточной Сибири о Гражданской войне, рассматривались в неразрывной взаимосвязи. Так, в 1920–1922 г. годовщина Октябрьской революции и «освобождение от колчаковщины» праздновались в один день. Лишь позднее эти памятные даты были разделены.

Изначально торжества нацеливались на пропаганду ключевых мобилизационных задач, значение которых объяснялось необходимостью преодоления последствий «мрачного прошлого», живописно изображавшихся посредством разнообразных коммемораций. Еще в 1921 г. организаторы торжеств на местах должны были учитывать, что 7 ноября – это не только день торжества победы революции и воспоминаний о героях, павших в борьбе, но еще и «день, когда мы подводим учет сделанного» [10. Д. 860. Л. 17]. М.Н. Покровский рассуждал об Октябрьской революции не как о стихийном событии, а в категориях сотворения, как о событии, предварительно спланированном и «написанном» В.И. Лениным [11. С. 169]. По мнению марксистов, лишь отказ от «старых порядков» и дальнейшее применение правильных, теоретически обоснованных усилий народных масс могли привести общество к успехам и процветанию. Поэтому годовщины Октября стали рассматриваться как контрольная дата проверки соответствия народных усилий марксистской схеме исторического развития общества.

В середине 1920-х гг. Октябрьская революция именовалась еще Октябрьским переворотом, ей не приписывалось эпохального значения. Торжества были ориентированы на популяризацию идеи Октябрьского переворота как первого этапа диктатуры пролетариата в борьбе пролетариата всех стран. В эти годы вышли новаторские фильмы С.М. Эйзенштейна «Стачка» (1925 г.), «Броненосец Потемкин» (1925 г.) и «Октябрь» (1927 г.). Игровое художественное кино середины 1920-х гг., адресованное массовому зрителю,

лю, превозносило и прославляло революцию. Одновременно, по мере перехода к «мирному строительству», неприглядные образы прошлого, использовавшиеся в ходе торжеств, служили задаче демонстрации разностороннего прогресса, который преподносился пропагандой как главный итог Октябрьской революции. С начала 1920-х гг. в стране непрерывно разворачивались разнообразные идеологические кампании, в числе которых были и Октябрьские торжества. Годовщина Октября оценивалась как одна из важнейших в этом ряду. Ее смыслом стала пропаганда достижений за восемь лет после революции [10. Д. 2465. Л. 83]. При этом теряли значения идеи героической жертвенности революционного поколения, актуальные в начале 1920-х гг.

В годы Сталинских пятилеток усиливалось мобилизационное значение празднований годовщин Октябрьской революции, которая уже в «Кратком курсе истории ВКП(б)» (1938 г.) уверенно называлась «Великой» и «социалистической». Отныне считалось, что Октябрьская революция открыла «новую эру в истории человечества – эру пролетарских революций». На фоне роста политического культа «Октября» заметно ослабевала коммеморативная составляющая массовых торжеств. Чем дальше, тем очевиднее революционная история становилась лишь размытым фоном пропаганды новых мобилизационных задач. 7 ноября в центре внимания находились вопросы выполнения планов хлебозаготовок и промышленного строительства, стахановского движения и социалистических соревнований, в период войны – помощи фронту. Стабильно на протяжении многих лет специфической целью пропаганды в Восточной Сибири была мобилизация сил на превращение Восточно-Сибирского края из экономически отстающего в передовой [12. Оп. 5. Д. 69. Л. 13]. В военный период планы пятилеток по-прежнему не выполнялись. Однако пропаганда преуменьшала неудачи и требовала от населения перевыполнения планов.

Одновременно снижалось внимание к памяти о революционных событиях и героях местной истории. В годы Великой Отечественной войны эти сюжеты исчезли вовсе из официального «Октябрьского» нарратива. Зато уже к середине 1930-х гг. в ходе «Октябрьских торжеств» стали неизменно и повсеместно поминать умерших вождей, прежде всего С.М. Кирова и В.В. Куйбышева, чьи биографии революционеров имели связь с Сибирью. Все эти люди расценивались как герои Новейшего времени, ставшие жертвами ожесточенной борьбы советского народа за социализм и новую счастливую жизнь. Однако практики, связанные с их поминовением в ходе Октябрьских торжеств, практически сошли на нет уже в 1941 г.

Немалую роль в формировании однотипных массовых представлений о героях военно-революционных лет в 1930-х гг. играл художественный кинематограф. Популярный фильм «Чапаев» (1934 г.) Г.Н. и С.Н. Васильевых был снят в соответствии с уже утвердившимся соцреалистическим канонам. «Человечный» образ Чапаева стимулировал желание зрителей подражать герою, готовому жить ради борьбы за социализм и погибнуть в этой борьбе. Фильмы пред-

военных лет: «Человек с ружьем» (1938 г.), «Ленин в Октябре» (1937 г.), «Ленин в 1918 г.» и «Великое зарево» (1938 г.), строго соответствовали содержанию «Краткого курса истории ВКП(б)», визуализируя и «оживляя» данный, в сущности, догматичный текст. Сталин в этих картинах был представлен как главный соратник Ленина, Зиновьев и Каменев выставлялись врагами, которым не удалось сорвать ленинские революционные планы.

С 1937 г. лейтмотивом праздничной пропаганды стала тема патриотизма. Пропаганда активно формировала в коллективной памяти советского общества однотипные, позитивно окрашенные образы героев отечественной истории, в числе которых были, к примеру, император Петр I, А.С. Пушкин, полководцы Д. Донской, К. Минин, Д. Пожарский, А. Суворов и М. Кутузов. Политика памяти этого времени была очевидно направлена на формирование беззаветной любви к Родине и ненависти к врагу посредством использования исторических рассказов и однотипных образов героев. Для стимуляции патриотического подъема пропаганда использовала и образы героев Гражданской войны. Однако призывы усилить помощь фронту и добиться перевыполнения хозяйственных планов являлись доминантами дискурса советской пропаганды периода Великой Отечественной войны. Рассмотрим далее происхождение и идеологическое значение Октябрьских коммемораций.

Еще в имперский период сформировался сценарный шаблон массового государственного праздника, который применялся в том числе и в сибирских городах. Праздник предварялся тематическими народными чтениями в гимназиях, библиотеках и клубах. В сам праздник устраивались основные стандартные торжества: военный парад, крестный ход, торжественная литургия или молебен, торжественное заседание городской думы, собрания в клубах, народные чтения и бесплатные театральные постановки на исторические, политические и религиозные темы. В советское время этот шаблон использовался практически в неизменном виде. Лишь сценарные элементы церковного характера заменялись на светские мероприятия, по форме похожие на их религиозные прототипы. Так, к примеру, демонстрацией заменялся крестный ход, митингом – молебен. Каждый структурный элемент праздника и до и после революции актуализировал коллективную память, укреплял идентичность социально-политических групп, расширял их границы.

В начале 1920-х гг. видоизмененный сценарный шаблон государственного праздника лишь утверждался в городах Восточной Сибири. Октябрьские торжества еще сравнительно скромно освещались ежедневными городскими газетами Иркутска и Красноярска. Так, в 1920 г. вплоть до 7 ноября никаких материалов о предстоящем торжестве в газетах вообще не было. В праздничный день печатные издания ограничились публикацией лозунгов. 9 ноября «Власть труда» сообщала, что в Иркутске по клубам прошли концерты-митинги, основной темой которых являлись «Великие революционные завоевания» [13]. Эти мероприятия были ориентированы прежде всего

на разъяснение современной политической и экономической ситуации, на легитимацию власти большевиков и лишь во вторую очередь – на коммеморативные задачи. Митинги тянулись с 5 по 8 ноября.

В фонде Иркутского губкома РКП(б) сохранились отчеты агитаторов о проведении этих митингов. Из отчетов видно, что организаторы мероприятий постарались охватить все районы города. Митинги прошли в городском и военном театрах, в Народном доме, в кинотеатрах и клубах. Торжественные мероприятия планировались на двадцати восьми площадках, однако на шести они не состоялись. На митинги собиралось до 1000 человек. Около получаса выступали докладчики по темам «Влияние рабоче-крестьянской революции на развитие мировой революции», «О мире с Польшей», «Третий Коминтерн», «Международная обстановка», далее следовала концертная часть [10. Д. 415. Л. 158–196].

Первый опыт иркутян в организации массовых октябрьских торжеств едва ли можно признать удачным. Действия агитаторов были плохо согласованы. Население еще не привыкло к советским политическим торжествам, вследствие чего трудно было собрать людей, заставить их слушать докладчиков, заинтересовать. Однако митинги становились неотъемлемой частью праздничной программы. Они устраивались на торжественных собраниях в воинских частях и в профсоюзных организациях. 6 ноября 1922 г. уже в 14 часов прекращалась работа на предприятиях и в учреждениях. Торжества открывали именно митинги. Докладчики освещали темы, посвященные как недавнему прошлому («Колчаковщина в Сибири и ее виновники»), так и затрагивавшие современную политическую ситуацию («Задачи четвертого конгресса Коминтерна»). Однако уже в эти годы главной темой праздника стало подведение политических и хозяйственных итогов за срок, истекший со времен революции. Митинг завершался художественной частью, состоявшей из «живых картин», пьес и миниатюр, в том числе и на революционные темы [14. Д. 382. Л. 101, 104]. В 1924 г. новой темой для выступлений на митингах, предварявших основные торжества, стала «Роль Ленина в революции».

Постепенно в городах Восточной Сибири в практику входили вечера воспоминаний, устраивавшиеся 6 ноября. Судя по отчетам, в начале 1920-х гг. организация вечеров воспоминаний могла быть довольно спонтанной. Людей, которым давали слово, подчас находили прямо перед началом мероприятия. Докладчик мог свободно рассказывать, к примеру, о том, что в 1917 г. он был эсером, но «перебросился к большевикам», услышав, что «рабочие должны быть подавлены эсерами и меньшевиками». Также спокойно подобные рассказы попадали в официальные отчеты агитаторов [Там же. Д. 860. Л. 120]. Однако вольноستم же скоро был положен конец. Доклады стали тщательно готовить и подгонять под шаблоны.

Сохранились документы, свидетельствующие об организации вечеров воспоминаний на предприятиях и в театрах Красноярска в 1921 г. Вечера, как и митинги, сопровождалась инсценировками, концертами и театрализованными постановками. В военных ча-

стях рекомендовалось инсценировать «всевозможные суды», видимо, над лидерами Белого движения [14. Д. 945. Л. 28, 30]. В 1922 г., в год пятилетия революции, организаторы торжеств следовали установке вовлечь в праздник широкие массы пролетариев и крестьян, приглашая их, кроме прочего, на такие вечера. Однако восточно-сибирские источники не дают увидеть четкой разницы между митингами и вечерами воспоминаний, по крайней мере, в первой половине 1920-х гг. К примеру, 3 ноября «Красноярский рабочий» приглашал горожан на вечера воспоминаний в клубы, заявляя темы праздничных докладов: «Пять лет советской власти», «Четвертый конгресс Коминтерна», «Колчаковщина и ее виновники» [15]. Очевидно, что на вечерах звучали не только чьи-то воспоминания, но и выдавалась политинформация. Иркутская газета «Власть труда» анонсировала вечер в своей редакции: в программу включались доклады на темы, которые выглядят исключительно коммеморативными: «О Красном Октябре», «1918 год в Сибири», «Врангельская кампания», «Колчаковское юнкерство» [16]. Однако нельзя сказать точно, излагали ли докладчики свои собственные воспоминания или обобщенно освещали большевистскую версию истории революции.

9 ноября «Красноярский рабочий» предложил отчет о вечере воспоминаний во 2-м Советском театре. Подобные публикации всегда подчеркивали многолюдность мероприятия, стандартно характеризовалась и общая атмосфера «единодушия». Теоретически вечер воспоминаний изначально был задуман как полностью коммеморативное мероприятие, камерное и «задушевное». В начале 1920-х гг. для участников подобных вечеров важнее всего было помянуть павших в годы Гражданской войны товарищей. Однако эмоциональная спонтанность пресекалась. Организаторы мероприятий уже в ходе празднований пятилетия революции старались заранее согласовывать содержание речей с докладчиками. На вечере важно было показать связь между событиями 1905, 1917 гг. и колчаковщиной. В Красноярске и Иркутске находились докладчики, способные рассказать о революционных событиях в Петербурге. Однако жители этого региона говорили на вечерах воспоминаний с наибольшим оживлением не о революции 1917 г., а о Гражданской войне, память о которой была более свежей. Обычно выступавшие напоминали собравшимся о жестоких расправах над рабочими, недовольными режимом Колчака, и о замученных героях подполья. На вечерах велась целенаправленная работа по формированию в коллективной памяти сибиряков строго определенной версии революционного прошлого.

На сегодняшний день почти не сохранились тексты речей, которые звучали на вечерах воспоминаний. Мы можем судить об их содержании и качестве лишь на основе немногочисленных примеров. Но эти примеры довольно показательны. Они отражают обрывочность представлений докладчиков о революции, отсутствие шаблонов докладов, на которые выступавшие могли бы опереться, и их неумение грамотно формулировать мысли [14. Д. 945. Л. 38]. Никто не

излагал личных воспоминаний. Скорее напоминалось о том, что сообщали газеты в 1917 г. и говорили окружающие о событиях в столице. Однако подобные коммеморативные мероприятия, несомненно, заставляли собравшихся вспоминать недавнее прошлое и общую атмосферу политической нестабильности. Кульминацией мероприятия в начале 1920-х гг. становилось поминовение «товарищей, погибших в этой величайшей исторической борьбе» [17].

Личные воспоминания и рассказы о событиях в городах Восточной Сибири, а также поминальные ритуальные действия могли быть содержанием не вечера воспоминаний, а мероприятия, заявленного как митинг. К примеру, 6 ноября 1923 г. был устроен подобный митинг на заводе «Памяти 13 борцов» в Красноярске. С митинга рабочие отправились к братской могиле тех самых борцов, в честь которых был назван завод. Там состоялось выступление очевидцев арестов этих жертв Гражданской войны [14. Д. 575. Л. 15].

С 1923 г. на вечера воспоминаний рабочие приглашались с семьями. Эти мероприятия становились все более массовыми. 6 ноября 1923 г. вечер в сборном цехе посетило более четырех тысяч железнодорожников и членов их семей [Там же. Л. 23]. Именно массовые торжества, устраивавшиеся железнодорожниками, зачастую становились главным сюжетом праздничных репортажей в Красноярске. В 1927 г. сообщалось о вечере в клубе К. Либкнехта, где собралась «старая гвардия, которая на своих плечах вынесла пламя борьбы». Видимо, наиболее впечатляющим для собравшихся стал рассказ старого большевика Облаева о том, как колчаковцы расстреляли его сына [18]. Практика вечеров воспоминаний стала особенно популярна к середине 1920-х гг. Иркутская печать сообщала, что вечера затягиваются до полуночи, а молодежь «ходит из клуба в клуб» [19]. В этих «хождениях», несомненно, чувствуется отголосок народных святочных традиций. Фактический вечер воспоминаний мог называться не только митингом, но и торжественным заседанием. К примеру, подобное мероприятие было устроено в 1926 г. иркутским обществом политкаторжан. Собравшиеся начали с поминовения погибших, после чего перешли к воспоминаниям и докладам [20].

К концу 1920-х гг. внимание печати к вечерам воспоминаний ослабло, хотя сохранившиеся документы свидетельствуют, что в 1930-х гг. вечера (беседы, заседания, митинги) рассматривались как неотъемлемый элемент торжества. К докладам и концертной части мероприятия добавилось угощение собравшихся, необходимость которого, однако, вызывала споры [21. Д. 110. Л. 13]. В 1933 г. Крайком ВКП (б) требовал от политруков военных частей Иркутска организовать в преддверии 7 ноября не менее двух вечеров воспоминаний в каждой части с участием революционеров и свидетелей Гражданской войны [12. Оп. 5. Д. 69. Л. 21]. Но, видимо, живые воспоминания свидетелей революционных событий звучали на массовых мероприятиях все-таки редко. «Старый большевик», выступавший в роли эксперта, мог быть приглашен в преддверии праздника на встречу с агитаторами и беседчиками, готовившимися к массовым праздни-

чным мероприятиям. На встрече обязательно зачитывался какой-нибудь официальный пропагандистский материал, после чего проходила «задушевная беседа» революционеров с молодежью, готовившихся к участию в празднике в качестве организаторов и ведущих официальных мероприятий [22].

Ни печать, ни архивные фонды не содержат сведений об устройстве вечеров воспоминаний в годы Великой Отечественной войны. В условиях мобилизации сил на помощь фронту в канун праздника на предприятиях организовывали общие собрания в цехах, которые начинались уже 4 ноября. Там подводились предварительные итоги социалистических соревнований [21. Д. 635. Л. 1 об.]. На собрание могли приглашаться бойцы, прибывшие с фронта, которые агитировали рабочих за выполнение и перевыполнение производственных планов. Места выступлениям старых большевиков с воспоминаниями о революции и Гражданской войне на таких митингах уже не было. Чтобы не отвлекать трудящихся от работы, в 1944 г. устраивался радиомитинг стахановцев, транслировавшийся в цехах. Обязательными в годы войны были собрания рабочих поздним вечером 6 ноября. Мероприятие начиналось докладами заводских агитаторов о революции и текущей политической обстановке. После этого, уже ночью, трудящиеся слушали в прямом эфире праздничную речь И.В. Сталина, который поздравлял советский народ с очередной годовщиной Октября и ставил перед обществом новые боевые задачи. Коммеморативная составляющая доклада Сталина, как и докладов агитаторов, была предельно краткой и формальной. В заключение мероприятия многие воодушевленные рабочие брали на себя обязательства существенно повысить производительность труда и добиться новых стахановских рекордов [Там же. Д. 833. Л. 42].

Еще одной яркой приметой середины 1920-х – начала 1930-х гг. стали молодежные факельные шествия, традиция которых коренится в античной культуре. В древности этот ритуал был нацелен на изгнание злых духов. Смысл факельных шествий в Иркутске и Красноярске довоенных лет источники не раскрывают. Однако можно предположить, что шествия выражали смыслы памяти о погибших и солидарности молодых со старшим поколением большевиков. За организацию и проведение шествий отвечал обком комсомола, участие в этих мероприятиях принимали и пионеры. Обычно шествие стартовало 6 ноября в 17 часов. Уже в 18.30 участники шествия достигали конечной цели – памятного места. К примеру, известно, что красноярская молодежь обычно двигалась с факелами к памятнику Ленина на площади Революции [23].

В 1927 г. была устроена массовая театрализованная инсценировка «Взятие Зимнего» в Иркутске, имевшая коммеморативный смысл. В середине 1920-х гг. подобные мероприятия проводились по всей стране. Однако, по нашим наблюдениям, не более одного раза в одном городе. В печати сообщалось, что на главной городской площади собралась десятитысячная толпа, ставшая свидетельницей «ареста временного правительства» и «установления советской власти». Устроители инсценировки применяли звуковые эффекты,

имитировавшие грохот орудий, пулеметов, выстрел крейсера «Аврора», а также использовали игру света («в красном свете десятка лампочек зажигается звезда – символ революции»), фейерверки, огни фабрик и заводов). Главным смыслом инсценировки стала символическая демонстрация экономических успехов, достигнутых в результате Октябрьской революции к 1927 г. [24].

Важнейшими уличными мероприятиями 7 ноября были военные парады, демонстрации и митинги, на которых выступали с торжественными речами представители местной партийной элиты. Очередность этих мероприятий, особенно в начале 1920-х гг. могла варьироваться, поскольку еще не сложился жесткий шаблон празднований на улице. Военные парады стали устраиваться в городах Восточной Сибири лишь с 1922 г. Обычно они предварялись присягой воинских частей [25]. В Красноярске парады проходили на площади Революции, а в Иркутске – на площади III Интернационала, которая в 1935 г. была переименована в площадь Кирова. Иногда, как в 1928 г., в Красноярске из-за погодных условий парады могли отменяться. В парадах 1930-х гг. принимала участие боевая техника: танки, самолеты и даже дирижабли. В годы Великой Отечественной войны в городах Восточной Сибири, в отличие, к примеру, от Новосибирска, парады не устраивались. Источники, относящиеся ко всему изучаемому нами периоду, не фиксируют внимания на коммеморативных смыслах военных парадов. Не делая акцент и на связи поколения революционеров и молодых поколений 1930-х – первой половины 1940-х гг.

Перед уличными торжествами главные площади городов декорировались. В 1930-х гг. главным украшением служили огромные портреты И.В. Сталина и действовавших членов правительства, в Иркутске также сооружался макет мавзолея Ленина [26]. В 1937 г. праздничная визуальная пропаганда подчеркивала преемственность между политикой Ленина и Сталина. Так, в Иркутске здание обкома партии было украшено громадным панно с изображением Ленина в 1917 г. во главе восставших красногвардейцев, а также изображение Сталина на фоне строек века: московского метро и канала Волга–Москва [27].

Первая ноябрьская демонстрация прошла в Красноярске в 1922 г., вслед за военным парадом, а в Иркутске – лишь в 1923 г. Изначально эти мероприятия не являлись массовыми. Печать сообщала, что посмотреть на первый иркутский военный парад пришли все, кто сочувствовал советской власти. Участие в демонстрациях изначально должны были принимать лишь члены профсоюзов [28]. Однако уже в 1924 г. организаторам праздника в Иркутске удалось собрать на демонстрацию около 30 тыс. участников из числа красноармейцев, рабочих, детдомовцев и пионеров, несших в руках самодельные красные флажки [29].

Вплоть до 1924 г. демонстранты двигались к братским могилам жертв революции и Гражданской войны как к конечной цели, что всегда акцентировалось местной печатью [30]. Там устраивался краткий митинг, начинавшийся с поминовения погибших, на могилы возлагались траурные венки [10. Д. 382. Л. 101].

Особенно впечатляющим стоит признать поминовение погибших, состоявшееся в 1922 г., когда на братской могиле в Красноярске открыли памятник захороненным в ней лицам, почитавшимся как герои [Там же. Л. 131]. Однако уже скоро выраженная коммеморативная (поминальная) составляющая Октябрьских торжеств утратила актуальность. В 1925 г. продлили маршруты шествия. Демонстранты следовали к трибунам, с которых звучали доклады и выкрикивались политические лозунги, обращенные не в прошлое, а в будущее. Коммеморативный характер демонстрации теперь отражало лишь ее музыкальное сопровождение. Печать свидетельствовала, что участники шествия двигались под песню Гражданской войны «Белая армия, черный барон» [31]. Постепенно демонстрации становились все более продолжительными (о начале сбора демонстрантов уже в 9 утра извещала сирена) и массовыми [32]. Иркутская печать, к примеру, сообщала, что в 1933 г. перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся [33]. Однако стоит учитывать, что эти данные могли завышаться.

В 1930-х гг. коммеморативная составляющая демонстраций и митингов постепенно ослабевала. Символы памяти о военно-революционном прошлом занимали место торжеств. Теперь демонстрация рассматривалась, прежде всего, как «демонстрация достижений», ее участники несли в руках различные модели и диаграммы, наглядно отражавшие рост промышленного и сельскохозяйственного производства [32]. Шествие возглавляли передовики производства. Нововведением середины 1920-х стали оптимистичные карнавалы, проводимые с участием комсомола и красноармейцев [10. Д. 2481. Л. 12–12 об.]. Демонстрантов сопровождали люди в ярких костюмах с символическими атрибутами производственных успехов.

В годы Великой Отечественной войны акценты пропаганды, звучавшей повсюду 7 ноября, резко изменились. Революционному прошлому и памятной дате на демонстрациях практически перестали уделять внимание, рассматривая торжества лишь как средство мобилизации общества на боевые и трудовые подвиги. Описывая демонстрации военных лет, газеты останавливали внимание на митингах, становившихся кульминацией событий, и приводили основные тезисы из речей выступавших. При этом опускались фразы, имевшие отношение к революционной тематике, акцент делался на частных успехах и победах в текущей войне.

Отдельного внимания заслуживают описания парадов и демонстраций 7 ноября 1945 г. Все газеты Сибири преподносили эти уличные торжества как особенно грандиозные и долгожданные. Подчеркивалась преемственность между завоеваниями Октябрьской революции и Великой Победы: «Советский народ отстоял завоевания Великой Октября». Демонстрацию называли «демонстрацией преданности Октябрьской революции». Но газеты не заостряли внимания на истории революции в Сибири, на героях-революционерах, на Гражданской войне. Судя по данным источникам, сибиряки, прежде всего, праздновали свою победу в Великой Отечественной войне, на которую их так активно настраивала пропаганда

последних четырех лет, в том числе используя Октябрьские торжества как повод [34].

Вечером 6 ноября в здании самого большого городского театра ежегодно устраивалось торжественное заседание с участием местной элиты, прежде всего, руководителей партийных и советских властных структур. В разное время на эти заседания приглашали также революционеров и подпольщиков, стахановцев, артистов и ученых. Неизменно присутствовали и журналисты. Технические возможности 1930-х гг. позволяли транслировать такие заседания в прямом эфире по радио. Сценарии заседаний расписывались по минутам, регламентация стала особенно жесткой со второй половине 1930-х гг.

В начале 1920-х гг. был выражен коммеморативный смысл этих заседаний. Мероприятие обычно начиналось под звуки Интернационала, после чего объявлялась минута памяти погибших героев революции, во время которой исполнялся похоронный марш [35]. В дальнейшем печать редко акцентировала этот коммеморативный ритуал. Лишь в 1929 г. в газете «Власть труда» было сказано о минуте молчания в память о павших героях и содержалось выступление старого партизана Антипина с воспоминаниями о боях за советскую власть в Сибири. Усиление внимания к этой теме было обусловлено десятилетием «освобождения» региона от «колчаковщины» [36]. С 1920 г. на таких заседаниях звучал обязательный доклад секретаря краевого комитета партии об итогах развития страны и региона к очередной годовщине революции, а также другие праздничные доклады участников мероприятия, после чего начиналась концертная программа.

С середины 1930-х гг. основной темой докладов стали достижения пятилеток. Говорилось о том, что в стране «произошли решающие сдвиги», которые выразились в ликвидации классовых различий. В 1935 г. центральной темой стали успехи стахановцев [37]. В конце 1930-х гг. докладам была присуща консервативно-патриотическая риторика, однозначно очернявшая историческое прошлое и выражавшая безграничную любовь к современной России и вождю. Так, в духе времени иркутский стахановец Елисеев говорил: «В царской России у трудящихся не было Родины. Была страна – тюрьма народов, была жизнь – мученье. А теперь у нас есть горячо любимая Родина, во славу которой мы по-стахановски работаем» [38]. В 1942 г. красноярский докладчик Моисеев должен был раскрыть главный тезис: «Вся наша страна к 25-й годовщине Октября превратилась в единый боевой лагерь». Ничего не сообщалось о «крови героев, пролитой за революцию». Он говорил и о том, что в результате революции была низвергнута власть буржуазии и создан новый тип государства – советское социалистическое государство рабочих и крестьян; было установлено полное равенство всех национальностей, отменена частная собственность и национализирована земля, созданы условия для уничтожения эксплуатации человека человеком и превращения СССР в передовую техническую и культурную страну. Делался концептуальный вывод: «Благодаря революции наша родина преодолела вековую отсталость, укрепи-

лась оборонная мощь СССР. Судьба 25-летних завоеваний зависит от того, как коммунисты сумеют повести за собой массы в тылу и на фронте на борьбу с врагом» [21. Д. 635. Л. 4–6].

В городах Восточной Сибири продолжалась существовавшая еще до революции практика торжественных открытий в праздничные дни мемориальных объектов, а также социальных и промышленных. К примеру, в первой половине 1920-х гг. к Октябрьским годовщинам красноярские железнодорожники дважды приурочили выпуск новых и отреставрированных паровозов [Там же. Д. 382. Л. 131; Д. 575. Л. 23]. В 1927 г. Красноярская окружная комиссия по проведению празднования Октябрьской годовщины решила открыть в честь праздника красный уголок инвалидов, детский клуб и ночлежный дом. Дабы социальные «подарки» населению в честь десятилетия Великого Октября не казались слишком скромными, было принято решение о необходимости учесть все, что было построено в городе в последнее время, и приурочить к празднику торжественное открытие наиболее значимых объектов [39. Д. 541. Л. 67]. Аналогично в Иркутске в 1929 г. к годовщине Октябрьской революции состоялось открытие Дома Красной армии [40]. Во время Великой Отечественной войны, по понятным причинам, не было никаких праздничных «открытий».

В дни Октябрьских торжеств театры, клубы и кино обязательно приглашали зрителей на бесплатные (либо по сниженным ценам) спектакли, концерты и фильмы. Однако не все зрелища были связаны тематически с революцией и Гражданской войной. 7 ноября 1921 г. в Красноярске можно было посмотреть первые агитационно-революционные пьесы, к примеру «Великий коммунар» (В.А. Трахтенберг, 1920), «Антанта» (В.В. Иванов, 1920), либо новую постановку классического произведения «Как мужик двух генералов прокормил» (по М.Е. Салтыкову-Щедрину) [14. Д. 945. Л. 31]. В последующие годы клубы приглашали на новые спектакли революционного содержания («Марат», «Гибель империи») [Там же. Д. 575. Л. 26]. Параллельно в первой половине 1920-х гг. 7 ноября могли еще демонстрироваться постановки по сценариям авторов Серебряного века. К примеру, в Иркутске в 1923 г. поставили пьесу Д.С. Мережковского «Петр Первый и царевич Алексей», содержание которой было коммеморативным, но далеко не революционным. Спектакли ставили не только профессиональные, но и самодеятельные коллективы. Сценарии могли быть посвящены местным сюжетам. К примеру, в 1924 г. в Красноярске на заводе «Памяти тринадцати борцов» был поставлен спектакль по сценарию местного автора «Октябрь» [Там же. Д. 575. Л. 16]. В 1927 г. иркутская печать освещала праздничную театральную постановку «Штурм». Сообщалось, что спектакль показывал «кусочек жизни маленького уездного городка в тисках Гражданской войны». В постановке нашли отражение темы эпидемии тифа и злодейств белогвардейских банд. Основой сюжета стало противопоставление «подлинных революционеров» и «бумажных», «тех, кто, прикрываясь партийным билетом, ищут материальных благ для себя в то

время, как тысячи голодных мрут от сыпняка, отплясывают фокстрот и занимаются выпивками на своих тайных вечеринках» [41].

В 1930-х гг. праздничный театральный репертуар уже не отличался оригинальностью. Из него исчезли пьесы местных сценаристов. По-прежнему ставили некоторые классические спектакли («Борис Годунов»), но на сценах все-таки шли преимущественно пьесы военно-революционного содержания («Нас семеро», «Год 19-й») [42]. В 1937 г. в Иркутске поставили оперу «Тихий Дон» (по М.А. Шолохову) [43]. Перед войной в театрах 7 ноября шли пьесы «Павка Корчагин» (по роману Н.А. Островского «Как закалялась сталь»), «Кремлевские куранты» (по сценарию Н.Ф. Погодина), «Свадьба в Малиновке» (по сценарию Б.А. Александрова) [44].

Периодическая печать Восточной Сибири неизменно фиксировала единодушие и энтузиазм масс трудящихся в Октябрьские дни. Газеты описывали стройные ряды демонстрантов, их «бодрость и силу», «бывшую ключом радость от одержанных побед», «любовь и преданность Родине». Однако сохранившиеся документальные источники, дают возможность увидеть рецепцию торжеств и с изнаночной стороны.

В начале 1920-х гг. было еще трудно на праздник собрать народ и решить организационные проблемы. Сами агитаторы часто не имели необходимого практического опыта. Яркие примеры неудачных митингов 1920 г. отражают отчеты иркутских агитаторов. К примеру, Бородин, который должен был выступить в госпитале, зафиксировал в своем отчете следующее: «Прибыв в госпиталь, мы узнали, что о предстоящем митинге там никто ничего не знает, из ком. ячейки никого нет, политрука нет. Больные ужинают, готовятся спать...». Бородину пришлось уехать, так и не выступив перед пациентами. На другой площадке этому агитатору вновь не повезло: к моменту его прибытия митинг уже состоялся, народ расходился. Он принял решение выступить вечером, когда рабочие начнут собираться к спектаклю. Но и здесь не обошлось без непредвиденных обстоятельств: явилось слишком много зрителей, большую половину собравшихся в зал не пустили. Лишь когда смолкли возмущения недовольных, Бородин смог кое-как зачитать доклад перед публикой [10. Д. 415. Л. 172–175]. Агитатор Померанцева объясняла неудачу своего выступления тем, что собравшиеся пришли прежде всего на спектакль и отвлекались на покупку билетов, не проявляя внимания к ее докладу [Там же. Л. 183]. Один из агитаторов получил задание выступить перед мусульманами, однако столкнулся с проблемой непонимания собравшимися доклада на русском языке [Там же. Л. 185]. Одновременно некоторые в 1920 г. уже демонстрировали умение представлять формально-благополучные, складно сочиненные отчеты. Так, агитатор Бегонов докладывал: «В 6 часов вечера депо переполнены. С глубоким вниманием слушает докладчика рабочая аудитория. Шаг за шагом ведет докладчик рабочую массу по пути трехлетия советской власти. Не чувствуется усталости...» [Там же. Л. 163].

Более тщательная подготовка агитаторов в последующие годы давала положительные результаты. Уже

в 1922 г. красноярцы могли констатировать массовость мероприятий, «запруженность» улиц народом и «подъем», превысивший первомайский [14. Д. 382. Л. 131]. В первой половине 1920-х гг. печать информировала читателей о том, что к уличным торжествам не допускались «посторонние». В 1924 г. «Власть труда» сообщала, что людей «спекулянтско-харбинской внешности» детдомовцы оттесняли от трибуны [29]. Годом позже уже говорилось, что неорганизованных и праздных обывателей оттесняла конная милиция. «Красноярский рабочий» свидетельствовал, что перед началом массовых уличных торжеств в 1924 г. с площади Революции спешно уходил священник, явно лишний на этом празднике. Однако сообщалось, что «и посторонней публики набралось на площади немало», любопытные подростки «прорывали ограждение» [45].

Можно отметить, что в начале 1920-х гг. отдельные социальные группы реагировали на октябрьские коммеморации в целом позитивно. Этому способствовали различные факторы: воспроизведение ритуалов поминовения погибших товарищей, память о которых была еще свежа и болезненна, материальные поощрения передовиков производства ценными подарками, организация семейных вечеров с угощением. Нельзя дать однозначной оценки, однако возможно признать положительной тенденцию восприятия официальных мероприятий, связанных с годовщинами Октябрьской революции, среди красноярских железнодорожников, организовывавших особенно массовые собрания и торжества. При этом сводки о политических настроениях, составлявшиеся во второй половине 1920-х гг., отразили недовольство рабочих экономической и социальной политикой большевиков. В частности, были зафиксированы высказывания рабочих, отражавшие их веру в революцию как в «собственное завоевание». Выходит, пропаганда лишь частично достигала цели. Трудящиеся могли усваивать мысль о решающей роли рабочего класса в революционной борьбе и веру в идеалы пролетарской революции, но не соглашались с текущими действиями властей и, более того, воспринимать их как несправедливые по отношению к «героическому классу», заслуживающему поощрений.

В середине 1930-х гг. участие городских жителей в Октябрьских торжествах рассматривалось властями как общеобязательное. Однако население нередко демонстрировало пренебрежение к праздничным коммеморациям. Очевидное недовольство внутренней политикой и экономической ситуацией отражалось на желании масс участвовать в демонстрациях, на их восприятии «как повинности». В 1935 г. ожидалось, что на демонстрацию в Иркутске выйдет около 50 тыс. человек. Однако фактически в ней приняло участие не более 20 тыс. В лучшем случае от коллектива являлось 75% трудящихся, в худшем – не более чем 45%. Рабочие нередко проявляли равнодушие, даже пренебрежение к политической символике. После 7 ноября партийные органы получали информацию, в которой содержались сведения о том, что, к примеру, кто-то из рабочих, неся бюст вождя, ругал его матом. Так, справка управления НКВД сообщала о том, что один

из участников демонстрации отказывался нести красный флажок, пытался отдать его идущим рядом, но и они флажок не брали. В итоге этот флажок упал и остался валяться на дороге, по нему прошли несколько рядов демонстрантов. Аналогичная ситуация сложилась с наградным переходящим красным знаменем, которое получил коллектив литографского цеха ОГИЗа. Никто не хотел нести это знамя. В итоге оно упало и некоторое время валялось на мостовой, пока его не поднял председатель профкома, очевидно испугавшийся наказания [12. Оп. 15. Д. 334. Л. 260–263]. Эти примеры выглядят как антиподы шаблонного мотива дискурса пропаганды – красного знамени, уроненного в бою одним смертельно раненным героем-жертвой и поднятого другим героем-победителем.

Сводки свидетельствуют, что многие горожане воспринимали праздничную риторику как лживый поток пропаганды. Фиксировались высказывания: «Этот праздник не для нас, а для начальства и трепачей с длинными языками. Они говорить будут и премии получат, а рабочий постоит на площади и пойдет домой». Звучала и негромкая критика праздничной пропаганды стахановского движения как призыва работать на износ. 7 ноября демонстранты вместо того, чтобы воодушевляться на борьбу за выполнение досрочных планов пятилеток, могли, идя в строю, рассказывать друг другу политические анекдоты. В иркутские сводки попал один из них: «Сталин придумывал, как дешевле и эффективнее провести праздник Октябрьской революции. Позвал своего секретаря и тот посоветовал ему застрелиться, мол это будет дешево, произведет много шума и рабочие будут довольны» [12. Оп. 15. Д. 334. Л. 263].

Стоит иметь в виду и то, что народ постепенно привыкал к ежегодным Октябрьским торжествам, праздник обмирщался, становился очередным «поводом выпить» для людей с пристрастием к алкоголю. Среди иркутян звучали прозаические оценки дня 7 ноября: «Эти праздники все население ждет потому, что магазины выбрасывают товары, дают зарплату и рабочие проводят эти дни в пьянстве» [12. Оп. 15. Д. 334. Л. 263]. «На ноябрьскую» пьянствовали и организаторы торжеств. Так, председателя управления Восточно-Сибирской железной дороги соратники обвинили в том, что накануне праздника он напился и сорвал подготовку. В итоге на торжественное собрание железнодорожников явилось только 30% рабочих. Неизбежно 7 ноября дебоширили нетрезвые трудящиеся. Подчас доходило до драк и даже убийств [Там же. Л. 260–264]. Алкоголь развязывал языки. В итоге только в 1935 г. в Восточно-Сибирском крае было арестовано 72 человека за антисоветскую пропаганду в праздничные дни [Там же. Л. 266].

Празднования годовщин Октябрьской революции Красноярске и Иркутске с самого начала не отличались оригинальностью, что было обусловлено, прежде всего, жесткой политикой памяти и единым для всей страны шаблоном торжеств. Однако в начале 1920-х гг. жители городов Восточной Сибири могли использовать памятную дату как повод предаться совместным воспоминаниям о недавних кровавых событиях и помянуть погибших. К середине 1920-х г. торжества стали оптимистичными, оторванными от памяти о местных событиях и очень официальными, что, видимо, и вызывало их отторжение многими сибиряками, которые участвовали в коммеморативных мероприятиях по принуждению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордюгов Г.А. Октябрь. Сталин. Победа : культ юбилеев в пространстве памяти. М. : АИРО-XXI, 2010. 256 с.
2. Мальшева С.Ю. Советская праздничная культура в провинции: пространство, символы, мифы (1917–1927). Казань : Рутен, 2005. 400 с.
3. Шаповалов С.Н. Историческая трансформация российских (советских) государственных праздников в 1917–1991 гг. (на материалах Краснодарского края и Ростовской области) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 27 с.
4. Corney F.C. Telling October : Memory and the Making of the Bolshevik Revolution. Ithaca, N.Y. : Cornell University press, 2004. 266 p.
5. Petrone K. Life Has Become More Joyous, Comrade : Celebrations in the Time of Stalin. Bloomington : Indiana University Press, 2000. 266 p.
6. Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОСПЭН, 2009. 440 с.
7. Красильникова Е.И. Помнить нельзя забыть? Памятные места и коммеморативные практики в городах Западной Сибири. Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2015. 572 с.
8. Васильев А.Г. Современные «memory studies» и трансформация классического наследия // Диалог со временем: память о прошлом в контексте истории. М. : Либроком, 2008. С. 20–21.
9. Олик Дж. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. № 1. С. 40–73.
10. Государственный архив Новейшей истории Иркутской области (далее – ГАНИИО). Ф. 1. Оп. 1.
11. Покровский М.Н. Октябрьская революция : сб. ст. (1917–1927 гг.). М. : Изд-во Коммунист. акад., 1929. 418 с.
12. ГАНИИО. Ф. 123.
13. К празднованию трехлетней годовщины в Иркутске // Власть труда. 1920. 9 нояб.
14. Государственный архив Красноярского края (далее – ГАКК). Ф. П-1. Оп. 1.
15. К годовщине Октябрьской революции // Красноярский рабочий. 1922. 3 нояб.
16. Вечер воспоминаний // Власть труда. 1922. 5 нояб.
17. Митинг в Гортеатре // Красноярский рабочий. 1923. 9 нояб.
18. Шахматов И. Вспоминают минувшие дни // Красноярский рабочий. 1927. 10 нояб.
19. Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.
20. Октябрь в Иркутске // Власть труда. 1926. 9 нояб.
21. ГАКК. Ф. П-17. Оп. 1.
22. Беседа со старым большевиком // Восточно-Сибирская правда. 1935. 7 нояб.
23. План проведения демонстрации 7 ноября 1927 г. // Красноярский рабочий. 1927. 4 нояб.
24. Шад А. «Зимний взят» (массовое действо на площади) // Власть труда. 1927. 10 нояб.
25. Октябрьские торжества // Власть труда. 1922. 9 нояб.
26. Город в Октябрьские дни // Восточно-Сибирская правда. 1935. 4 нояб.
27. Перед праздником // Восточно-Сибирская правда. 1937. 1 нояб.
28. План проведения шестой годовщины Октябрьской революции // Власть труда. 1923. 6 нояб.
29. Седьмой Октябрь // Власть труда. 1924. 9 нояб.

30. К годовщине Октябрьской революции // Красноярский рабочий. 1922. 3 нояб.
31. Восьмой Октябрь // Власть труда. 1925. 9 нояб.
32. 14 Октябрь в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1931. 10 нояб.
33. Перед трибуной прошло 50 тыс. трудящихся // Восточно-Сибирская правда. 1933. 10 нояб.
34. Парад и демонстрация в Иркутске // Восточно-Сибирская правда. 1945. 10 нояб.
35. Торжественное заседание Иркутского совета рабочих и красноармейских депутатов 6 ноября // Власть труда. 1920. 9 нояб.
36. Торжественный пленум горсовета // Власть труда. 1929. 9 нояб.
37. Торжественное заседание пленума Иркутского горсовета // Восточно-Сибирская правда. 1935. 10 нояб.
38. Аргунский И. Демонстрация любви и преданности Родине // Восточно-Сибирская правда. 1937. 10 нояб.
39. ГАКК. Ф. П-10. Оп. 1.
40. Последнее решение Октябрьской комиссии // Власть труда. 1929. 6 нояб.
41. «Шторм» в Театре! // Власть труда. 1927. 10 нояб.
42. [Объявления] // Красноярский рабочий. 1937. 7 нояб.
43. [Объявления] // Восточно-Сибирская правда. 1937. 7 нояб.
44. Куда пойти? // Восточно-Сибирская правда. 1940. 7 нояб.
45. На площади революции // Красноярский рабочий. 1924. 9 нояб.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 июня 2017 г.

OCTOBER CELEBRATIONS IN THE ADMINISTRATIVE CENTERS OF EASTERN SIBERIA: A COMMEMORATIVE ASPECT (1920–1945)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 423, 105–115.

DOI: 10.17223/15617793/423/14

Yekaterina I. Krasilnikova, Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk, Russian Federation); Novosibirsk State Agrarian University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: katrina97@yandex.ru

Keywords: October celebrations; political celebration; commemoration; Siberia.

The purpose of the article is to characterize the commemorative features of the October celebrations arranged in the administrative centers of Eastern Siberia between the Civil War and the end of the Great Patriotic War. The sources for the research were unpublished office documents stored in the archives of Eastern Siberia, daily newspapers published in Krasnoyarsk and Irkutsk (1920–1945). The author determines the place and role of commemorations in festive scenarios, gives their typical examples and special conditions of celebrations peculiar to Eastern Siberia. The dynamics of festive commemorations are traced. The author establishes the tendency of their perception by the inhabitants of Irkutsk and Krasnoyarsk. In Krasnoyarsk and Irkutsk the October celebrations were not original from the beginning. This was due to the strict memory policy and the pattern of celebrations, uniform for the whole country. The author ascertains that before the Great Patriotic War the typical scenario of celebration of the October revolution anniversaries included memorial evenings (rallies, solemn meetings), military parades and demonstrations, solemn sessions of the city administration, entertainment events. In the early 1920s residents of the Eastern Siberia cities usually used the memorable date as an excuse to indulge in joint memories of the recent bloody events and to remember the dead. Festive demonstrations rushed to the mass graves of the victims of the revolution and the Civil War. There rallies were held, remembrance of the victims was carried out. Holiday theater productions could be dedicated to military-revolutionary events in Eastern Siberia. By the mid-1920s, the celebrations became optimistic and detached from the memory of the local events. In the years of the Great Patriotic War, festive scenarios centered around collective listening to live radio broadcast of the speeches of J. Stalin. During wartime, on 7 November there was almost no reminiscing of the October revolution at official events. Honoring the heroes of the revolution halted. Newspapers consistently recorded the unanimity and enthusiasm of the worker masses in the October days. However, it was only wishful thinking. In the early 1920s, the most popular holiday of the country caused numerous negative reactions of Siberians. Many of the demonstrators resented the coercion to participate in activities. Walking in the ranks, the Siberians could tell political jokes and refuse to carry red banners. Also, drinking of workers was a problem for the organizers of the celebrations.

REFERENCES

1. Bordyugov, G.A. (2010) *Oktyabr'. Stalin. Pobeda: kul't yubileev v prostranstve pamyati* [October. Stalin. Victory: the cult of anniversaries in the space of memory]. Moscow: AIRO-XXI.
2. Malysheva, S.Yu. (2005) *Sovetskaya prazdnichnaya kul'tura v provintsii: prostranstvo, simvol, mify (1917–1927)* [Soviet festive culture in the province: space, symbols, myths (1917–1927)]. Kazan: Ruten.
3. Shapovalov, S.N. (2011) *Istoricheskaya transformatsiya rossiyskikh (sovetskikh) gosudarstvennykh prazdnikov v 1917–1991 gg. (na materialakh Krasnodarskogo kraia i Rostovskoy oblasti)* [Historical transformation of Russian (Soviet) state holidays in 1917–1991 (on the materials of Krasnodar Krai and Rostov Oblast)]. Abstract of History Cand. Diss. Krasnodar.
4. Corney, F.S. (2004) *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
5. Petrone, K. (2000) *Life Has Become More Joyous, Comrade: Celebrations in the Time of Stalin*. Bloomington: Indiana University Press.
6. Rolf, M. (2009) *Sovetskie massovye prazdniki* [Soviet mass celebrations]. Translated from English. Moscow: ROSSPEN.
7. Krasil'nikova, E.I. (2015) *Pomnit' nel'zya zabyt'? Pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki v gorodakh Zapadnoy Sibiri* [Remember or forget? Memorable places and commemorative practices in the cities of Western Siberia]. Novosibirsk: NSTU.
8. Vasil'ev, A.G. (2008) *Sovremennyye "memory studies" i transformatsiya klassicheskogo naslediya* [Modern "memory studies" and the transformation of the classical heritage]. In: *Dialog so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii* [Dialogue with time: memory of the past in the context of history]. Moscow: Librokom.
9. Olick, J. (2012) *Figurations of memory: a process-relational methodology illustrated on the German case*. Translated from English by D. Khlevnyuk. *Sotsiologicheskoe obozrenie – Sociological Review*. 1. pp. 40–73. (In Russian).
10. State Archive of the New History of Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 1. List 1. (In Russian).
11. Pokrovskiy, M.N. (1929) *Oktyabr'skaya revolyutsiya: sb. st. (1917–1927 gg.)* [October Revolution: articles (1917–1927)]. Moscow: Izd-vo Kommunist. akad.
12. State Archive of the New History of Irkutsk Oblast (GANIO). Fund 123. (In Russian).
13. *Vlast' truda*. (1920) *K prazdnovaniyu trekhletney godovshchiny v Irkutске* [To the celebration of the three-year anniversary in Irkutsk]. *Vlast' truda*. 9 November

14. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-1. List 1. (In Russian).
15. Krasnoyarskiy rabochiy. (1922) K godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii [To the anniversary of the October Revolution]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 3 November.
16. Vlast' truda. (1922) Vecher vospominaniy [Evening of memories]. *Vlast' truda*. 5 November.
17. Krasnoyarskiy rabochiy. (1923) Miting v Gorteatre [Meeting in City Theater]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 9 November.
18. Shakhmatov, I. (1927) Vspominayut minuvshie dni [Remembering the past days]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 10 November.
19. Vlast' truda. (1924) Sed'moy Oktyabr' [The seventh October]. *Vlast' truda*. 9 November.
20. Vlast' truda. (1926) Oktyabr' v Irkutske [October in Irkutsk]. *Vlast' truda*. 9 November.
21. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-17. List 1.
22. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1935) Beseda so starym bol'shevikom [A conversation with an old Bolshevik]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 7 November.
23. Krasnoyarskiy rabochiy. (1927) Plan provedeniya demonstratsii 7 noyabrya 1927 g. [Plan for the demonstration on November 7, 1927]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 4 November.
24. Shad, A. (1927) "Zimniy vzyat" (massovoe deystvo na ploshchadi) ["The Winter Palace is taken" (mass action on the square)]. *Vlast' truda*. 10 November.
25. Vlast' truda. (1922) Oktyabr'skie torzhestva [October celebrations]. *Vlast' truda*. 9 November.
26. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1935) Gorod v Oktyabr'skie dni [The city in the October days]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 4 November.
27. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1937) Pered prazdnikom [Before the holiday]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 1 November.
28. Vlast' truda. (1923) Plan provedeniya shestoy godovshchiny Oktyabr'skoy revolyutsii [Plan for the sixth anniversary of the October Revolution]. *Vlast' truda*. 6 November.
29. Vlast' truda. (1924) Sed'moy Oktyabr' [The seventh October]. *Vlast' truda*. 9 November.
30. Krasnoyarskiy rabochiy. (1923) K godovshchine Oktyabr'skoy revolyutsii [To the anniversary of the October Revolution]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 3 November.
31. Vlast' truda. (1925) Vos'moy Oktyabr' [The eighth October]. *Vlast' truda*. 9 November.
32. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1931) 14 Oktyabr' v Irkutske [October 14 in Irkutsk]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
33. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1933) Pered tribunoy proshlo 50 tys. trudyashchikhysya [Fifty thousand workers passed before the rostrum]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
34. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1945) Parad i demonstratsiya v Irkutske [Parade and demonstration in Irkutsk]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
35. Vlast' truda. (1920) Torzhestvennoe zasedanie Irkutskogo soveta rabochikh i krasnoarmeyskikh deputatov 6 noyabrya [Solemn meeting of the Irkutsk Soviet of Workers' and Red Army deputies on November 6]. *Vlast' truda*. 9 November.
36. Vlast' truda. (1929) Torzhestvennyy plenum gorsoveta [The ceremonial plenum of the City Council]. *Vlast' truda*. 9 November.
37. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1935) Torzhestvennoe zasedanie plenuma Irkutskogo gorsoveta [Solemn meeting of the plenum of the Irkutsk City Council]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
38. Argunskiy, I. (1937) Demonstratsiya lyubvi i predannosti Rodine [Demonstration of love and devotion to the homeland]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 10 November.
39. State Archive of Krasnoyarsk Krai (GAKK). Fund P-10. List 1. (In Russian).
40. Vlast' truda. (1929) Poslednee reshenie Oktyabr'skoy komissii [The last decision of the October Commission]. *Vlast' truda*. 6 November.
41. Vlast' truda. (1927) "Shtorm" v Teatre! ["Storm" at the Theater!]. *Vlast' truda*. 10 November.
42. Krasnoyarskiy rabochiy. (1937) [Ob'yavleniya] [[Announcements]]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 7 November.
43. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1937) [Ob'yavleniya] [[Announcements]]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 7 November.
44. Vostochno-Sibirskaya pravda. (1940) Kuda poyti? [Where to go?]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 7 November.
45. Krasnoyarskiy rabochiy. (1924) Na ploshchadi revolyutsii [At the revolution square]. *Krasnoyarskiy rabochiy*. 9 November.

Received: 26 June 2017